

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

УДК 338.24 + 332.146.2, ББК 65.05

© Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н.

Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России*

**Валерий Петрович
ЧИЧКАНОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, оф. 523
E-mail: vpchichkanov@ya.ru

**Елена Витальевна
ЧИСТОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29, оф. 523
E-mail: elvitvas@ya.ru

**Александр Николаевич
ТЫРСИН**

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620002, г. ул. Софьи Ковалевской, 5
E-mail: at2001@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00493).

Для цитирования: Чичканов В.П., Чистова Е.В., Тырсин А.Н. Общая оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 87-102. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

For citation: Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N. General assessment of the effectiveness of social sphere financing in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 87-102. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.6

Аннотация. В статье представлен подход к оценке эффективности финансирования социальной сферы (здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства) в регионах России. В рамках исследования проверена гипотеза, которая заключается в следующем: с улучшением социально-экономического положения региона эффективность финансирования социальной сферы в нем снижается. В методологию исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем социально-экономического развития заложена оценка зависимости динамики достигнутых ими показателей и объема бюджетных расходов. Для проведения оценки были отобраны 9 результирующих показателей функционирования отраслей социальной сферы, с учетом утвержденного в ноябре 2017 г. Указом Президента РФ перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а также на основе наличия статистической связи между ними и индексом человеческого развития как итоговым индикатором. Кроме того, для учета региональной специфики развития в оценке эффективности расходования бюджетных средств осуществлена группировка субъектов РФ. Значения показателей для построения модели рассчитаны или взяты напрямую из статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Федерального казначейства и докладов Аналитического центра при Правительстве РФ. Для моделирования взаимосвязи между финансированием социальной сферы и результирующими показателями использован многомерный корреляционный анализ. Оценка, проведенная за десятилетний период, показала невысокую эффективность финансирования социальной сферы в России. В регионах с различным уровнем социально-экономического развития она носит четко выраженный дифференцированный характер в периоды экономической нестабильности. Только по мере преодоления кризисных явлений в социально-экономическом развитии слаборазвитого региона (высокая безработица, сверхвысокая смертность и др.) повышается актуальность расходов на развитие человеческого капитала. С достижением наилучших показателей социально-экономического развития в регионе уменьшается влияние бюджетного финансирования на качество жизни его населения, что объясняется снижением эффективности финансирования социальной сферы у развитых регионов.

Ключевые слова: эффективность финансирования, качество жизни, регион России, социальная сфера, многомерный корреляционный анализ.

Введение

В условиях, когда существенно возрастает самостоятельность регионов, повышается необходимость эффективного управления финансовыми потоками именно на региональном уровне. Тем более что в настоящее время сложилась определенная дестабилизация бюджетов регионов, в частности, вызванная выполнением «майских» указов, поскольку на них легла основная часть дополнительных расходов. По оценкам Н.В. Зубаревич [1], в 2013 и 2014 годах они несли 70% расходов во исполнение этих указов, а в 2015 г. — 80%. Кроме того, как показали исследования Вологодского научного центра РАН [2], дисбаланс территориальных бюджетных систем был предопределен и действиями по оптимизации налоговой нагрузки крупнейших налогоплательщиков. Такая ситуация безусловно ведет к жестким бюджетным

ограничениям, что актуализирует исследования по проблемам эффективности использования бюджетных ресурсов регионов [3–5] как дополнительного «источника финансирования».

Классический анализ экономической эффективности финансовых вложений предполагает оценку соотношения результатов и затрат в денежном выражении. Однако на практике эффективность расходования бюджетных средств таким подходом сложно оценить, особенно когда речь идет о социальной сфере. Как правило, социально значимые результаты достигаются совместными действиями многих органов власти [6]. Отсюда и сложности определения влияния той или иной статьи расходов на качество жизни населения как итогового показателя финансирования социальной сферы.

На государственном уровне с 2007 г. утверждена система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ¹, включающая перечень основных показателей социально-экономического развития. За этот период данная система не раз совершенствовалась. С 2012 г. упрощена методика оценки эффективности, сокращен перечень показателей, отменен расчет неэффективных расходов, введен учет среднегодовых значений показателей, что позволило сделать мониторинг оценки эффективности более понятным и целеориентированным [7]. Тем не менее данная методика периодически подвергалась научной критике. В первую очередь исследователи [8] отмечают терминологическую неточность в подходе к понятию эффективности. Согласно утвержденной методике, предметом оценки являются результаты деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, а не их эффективность. Оценка эффективности все же должна основываться на соотношении результатов и использованных для их достижения ресурсов. Кроме того, сами показатели системы оценки эффективности вызвали дискуссии среди ученых. Отмечалась необоснованность большого количества показателей, которые зачастую дублировали друг друга, не имели четкой методики расчетов и не отражали объективную картину в той или иной отрасли [7]. Ряд исследователей [9–10] раскритиковали и состав показателей, поскольку некоторые показатели были ориентированы не на интересы населения, а скорее на отчетность региона. В целях совершенствования системы оценки эффективности деятельности региональных органов власти в ноябре 2017 г. был утвержден новый перечень показателей², а ранее действовавшие в этой сфере указы Президента России признаны утратившими силу. В этот перечень, помимо статистических показателей (ожидаемая продолжительность жизни,

суммарный коэффициент рождаемости и др.), вошли социологические оценки населения (оценка населением эффективности деятельности, оценка населением условий для самореализации и др.).

По результатам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ составляется рейтинг регионов, который характеризует качество жизни их населения. Также эта оценка служит основой для выделения грантов в целях содействия и поощрения достижений наилучших значений показателей в субъектах РФ. В соответствии с правилами³, утвержденными в апреле 2018 г., количество регионов, которые могут поощряться грантами по итогам оценки, увеличено с 20 до 40. А размер грантов будет определяться в зависимости от числа жителей региона и индекса его бюджетных расходов. Однако исторически сложившиеся социально-экономические различия регионов оказывают значительное влияние на итоговую оценку эффективности деятельности региональных органов власти [11]. Регион, имеющий изначально высокий уровень социально-экономического развития, может занять высокую строчку в рейтинге при низкой эффективности своих финансовых вложений. Ю.П. Воронов справедливо отмечает, что любое процедурное несовершенство методики определения рейтинга будет искажать общее представление о качестве управления и может потенциально наносить вред соответствующим субъектам Федерации во взаимодействии с органами федеральной власти [12]. Таким образом, сталкиваясь с проблемой межрегионального сравнения [13–14], данный подход к оценке может исказить реальную ситуацию. В этой связи в рамках этого исследования проверена гипотеза, которая заключается в следующем: с улучшением социально-экономического положения региона эффективность финансирования социальной сферы в нем снижается.

¹ Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ: Указ Президента Российской Федерации от 28.06.2007 г. № 825.

² Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 548.

³ Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 19.04.2018 г. №472.

Методология и данные исследования

В методологию исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития заложена оценка зависимости динамики достигнутых ими показателей и объема бюджетных расходов. Исследование было проведено на примере финансирования отраслей социальной сферы, поскольку, с одной стороны, основной целью деятельности органов власти является повышение качества жизни населения [15–16]. А с другой стороны, с точки зрения общества и государства как института защиты интересов нации целью инвестиций в развитие социальной сферы является прирост человеческого капитала [17]. В рамках данного исследования в качестве общего индикатора качества жизни населения региона был использован широко распространенный показатель – индекс человеческого развития (ИЧР), потому что, как отмечают многие исследователи [18–20], является простым и многомерным индикатором развития территории. На основе недавно утвержденного перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов ис-

полнительной власти субъектов РФ отобраны 9 результирующих показателей функционирования отраслей социальной сферы (показатели социально-экономического развития в регионе). Список используемых для моделирования показателей представлен в *таблице 1*.

Условием отбора результирующих показателей финансирования социальной сферы регионов, помимо их распространенного использования в качестве индикаторов качества жизни (в т.ч. в нормативно-правовых документах), стало наличие статистической связи между ними и ИЧР. Был проведен дискриминантный анализ [21] для ежегодных данных результирующих показателей Y_1, Y_2, \dots, Y_9 для трех групп ($IND = 1, IND = 2, IND = 3$) за ретроспективный период. Результаты показали устойчивое распознавание трех групп. Неправильное распознавание для каждой группы ограничивалось в среднем в 5% регионов, соседних с другой группой, что является приемлемым и объяснимым, т.к. значения ИЧР в этих случаях были близки, а иногда даже совпадали у соседних пограничных регионов из разных групп. Дискриминантный анализ данных проведен в пакете *Statistica*.

Таблица 1. Показатели, используемые при моделировании эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития

№ п/п	Показатель, единицы измерения	Условное обозначение
<i>Общий показатель развития региона</i>		
1.	ИЧР, ед.	<i>IND</i>
<i>Показатели финансирования социальной сферы в регионе</i>		
2.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение, руб. на человека	X_1
3.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на образование, руб. на человека	X_2
4.	Расходы консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на ЖКХ, руб. на человека	X_3
<i>Результирующие показатели регионального социально-экономического развития</i>		
5.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Y_1
6.	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Y_2
7.	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг на конец года, руб.	Y_3
8.	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	Y_4
9.	Суммарный коэффициент рождаемости	Y_5
10.	Количество зарегистрированных преступлений, случ. на 100 тыс. человек населения	Y_6
11.	Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Y_7
12.	Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	Y_8
13.	Смертность населения от внешних причин, чел. на 100 тыс. человек населения	Y_9

С целью учета региональной специфики развития в оценке эффективности финансирования социальной сферы осуществлена группировка субъектов РФ на основе значения ИЧР. Для обеспечения статистической устойчивости результатов не учтены при построении модели 17 субъектов РФ с наиболее высокими и наименее низкими значениями ИЧР, а также с аномальными значениями или с отсутствующими статистическими данными по отдельным показателям. Таким образом, в модель вошли 68 субъектов РФ, разбитых на три группы – по 23 субъекта в первой (низкие значения ИЧР) и второй (средние значения ИЧР) группах и 22 субъекта в третьей (высокие значения ИЧР). Поскольку регионы развиваются неравномерно, состав групп за рассматриваемый период меняется в зависимости от значений ИЧР. Наиболее «подвижной» группой оказалась II группа. В таблице 2 указаны типичные представители каждой группы (те субъекты РФ, которые за рассмотренный период «сохранили свое место» в группе).

Значения показателей для построения модели рассчитаны или взяты напрямую из статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Федерального казначейства и докладов Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.

Математическая модель взаимосвязи между показателями финансирования и результирующими показателями

Для моделирования взаимосвязи между финансированием здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показателями воспользуемся многомерным корреляционным анализом. Имеем случайные векторы:

$X=(X_1, X_2, X_3)$ – показатели финансирования социальной сферы в регионе; $Y=(Y_1, Y_2, \dots, Y_9)$ – результирующие показатели регионального социально-экономического развития; $Z = X \cup Y = (X_1, X_2, X_3, Y_1, Y_2, \dots, Y_9)$ – все показатели. Проверка выборочных данных на нормальность распределения в целом показала непротиворечивость данной статистической гипотезы. Поэтому считаем, что векторы можно рассматривать как гауссовские.

Оценка тесноты корреляционной взаимосвязи между компонентами гауссовского случайного вектора U находится как [22]:

$$D_e(U) = 1 - |R_U|^{1/m}, \tag{1}$$

где m – размерность вектора U , R_U – корреляционная матрица случайного вектора U .

Формула (1) численно оценивает, насколько тесно связаны между собой компоненты многомерной случайной величины U , причем $0 \leq D_e(U) \leq 1$. Отметим, что $D_e(U)=0$ соответствует случаю взаимной линейной некоррелированности величины U_1, U_2, \dots, U_m и $D_e(U)=1$ тогда и только тогда, когда хотя бы две случайных величины U_i и U_j являются функционально линейно зависимыми [23].

Согласно (1), имеем:

$$\begin{aligned} D_e(X) &= 1 - |R_X|^{1/3}, \\ D_e(Y) &= 1 - |R_Y|^{1/9}, \\ D_e(Z) &= 1 - |R_Z|^{1/12}. \end{aligned} \tag{2}$$

Формула (1) позволяет оценить тесноту корреляционной связи между компонентами гауссовского случайного вектора. Для оценки тес-

Таблица 2. Типичные представители группировки субъектов РФ для моделирования эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем развития

Группа	Субъекты РФ
I группа субъектов РФ с низкими значениями ИЧР	Республика Адыгея, Республика Алтай, Алтайский край, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Амурская область, Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Псковская область, Тверская область, Еврейская автономная область
II группа субъектов РФ со средними значениями ИЧР	Калининградская область, Орловская область, Рязанская область, Ульяновская область
III группа субъектов РФ с высокими значениями ИЧР	Республика Коми, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Красноярский край, Белгородская область, Липецкая область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Свердловская область, Томская область, Ярославская область

ноты корреляционной связи между двумя гауссовскими векторами U и V с размерностями m и l в исследовании [24] предложен коэффициент:

$$D_e(U, V) = 1 - \left(\frac{|R_{U \cup V}|}{|R_U| \cdot |R_V|} \right)^{\frac{2}{m+l}} \quad (3)$$

Коэффициент $D_e(U, V)$ удовлетворяет следующим свойствам:

1. $0 \leq D_e(U, V) \leq 1$.
 2. Случай $D_e(U, V) = 0$ соответствует независимости между U и V .
 3. Случай $D_e(U, V) = 1$ означает наличие функциональной зависимости между U и V , т.е. хотя бы одна из компонент вектора V функционально связана с компонентами вектора U .
 4. $D_e(U, V) = D_e(V, U)$.
- Согласно (3), имеем:

$$D_e(X, Y) = 1 - \left(\frac{|R_Z|}{|R_X| \cdot |R_Y|} \right)^{1/6} \quad (4)$$

Результаты моделирования

Оценка эффективности финансирования социальной сферы в регионах с различным уровнем социально-экономического развития была проведена за десятилетний период – с 2007 по 2016 г. Исследуем вначале стабильность пребывания регионов в трех группах. Результаты приведены в *таблице 3*.

Определим далее по формуле (2) тесноту взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе (вектор X) и между показателями социально-экономического развития в регионе (вектор Y). Результаты оценивания тесноты корреляционной взаимосвязи $D_e(X)$ и $D_e(Y)$ для каждой группы и в целом по всем группам приведены в *таблице 4*.

Анализ результатов, приведенных в *таблицах 3 и 4*, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Теснота взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе растет с повышением ИЧР. Это означает, что финансирование социальной сферы у развитых регионов более скоординировано.

Таблица 3. Оценка стабильности пребывания регионов в трех группах

Показатель	I группа	II группа	III группа
Доля регионов, попавших хотя бы один раз за десятилетний период в группу, %	51,5	58,8	51,5
Доля регионов, попавших не менее семи раз за десятилетний период в одну группу, %	30,9	26,5	27,9

Таблица 4. Результаты оценивания тесноты корреляционной взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе и между показателями регионального социально-экономического развития

Год	$D_e(X)$				$D_e(Y)$			
	I группа	II группа	III группа	все группы	I группа	II группа	III группа	все группы
2007	0,381	0,481	0,530	0,428	0,621	0,644	0,558	0,516
2008	0,430	0,486	0,406	0,433	0,599	0,617	0,571	0,502
2009	0,381	0,474	0,397	0,427	0,665	0,570	0,525	0,504
2010	0,489	0,234	0,551	0,389	0,655	0,560	0,494	0,488
2011	0,488	0,423	0,470	0,437	0,661	0,604	0,567	0,521
2012	0,467	0,425	0,604	0,511	0,685	0,599	0,528	0,534
2013	0,464	0,633	0,622	0,534	0,658	0,591	0,567	0,534
2014	0,398	0,672	0,530	0,498	0,590	0,635	0,575	0,478
2015	0,531	0,527	0,616	0,454	0,590	0,561	0,557	0,499
2016	0,367	0,461	0,597	0,420	0,592	0,590	0,527	0,509
Среднее	0,440	0,481	0,532	0,453	0,632	0,597	0,547	0,509

2. Теснота взаимосвязи между результирующими показателями регионального социально-экономического развития уменьшается с повышением ИЧР. Это можно объяснить замедлением скоординированного развития регионов⁴. Данный вывод согласуется с результатами таблицы 3, из которых видна высокая нестабильность пребывания регионов в одной и той же группе, особенно для II и III групп.

3. Таким образом, наблюдаются противоположные тенденции у тесноты взаимосвязи между показателями финансирования социальной сферы в регионе и между результирующими показателями регионального социально-экономического развития с изменением ИЧР.

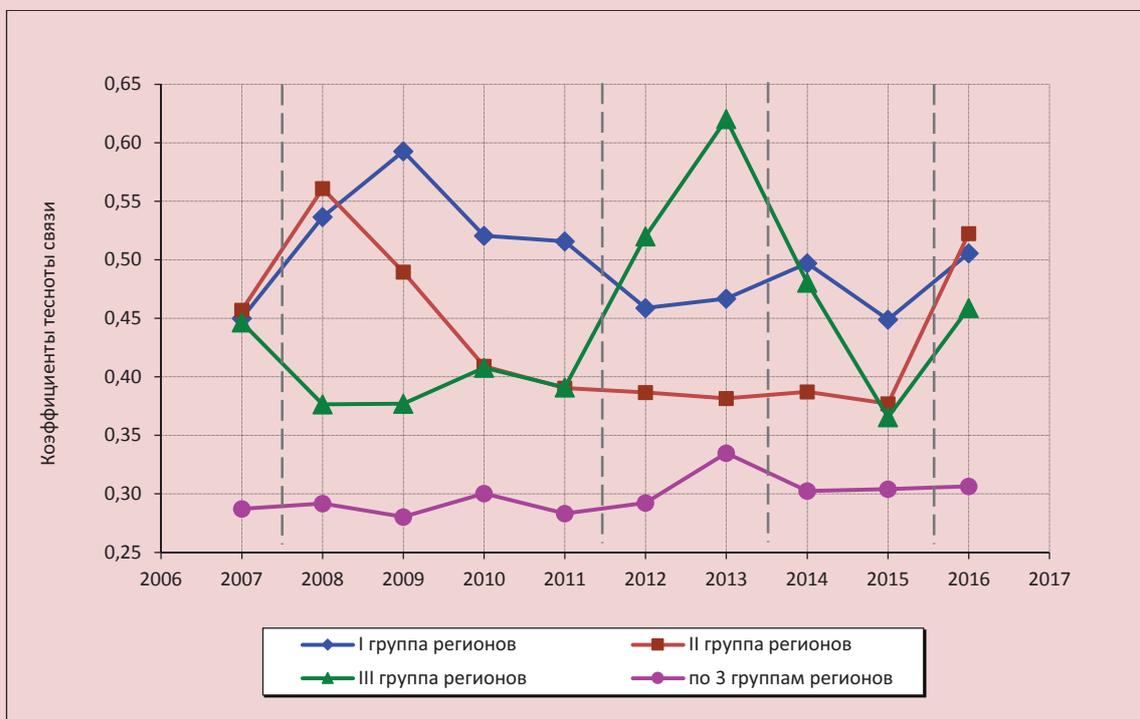
Далее определим по формуле (4) тесноту корреляционной взаимосвязи между финансированием системы здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показате-

лями по трем группам регионов и в среднем по ним. Результаты оценивания представлены на рисунке 1.

Полученные оценки тесноты корреляционной связи между результирующими показателями и показателями финансирования продемонстрировали, что эффективность расходования бюджетных средств в среднем по регионам низкая, но наблюдается ее общий рост за рассматриваемый период. В то же время связь между показателями в разрезе отдельных групп регионов сильнее, особенно у группы регионов с низкими значениями ИЧР (I группа), что указывает на более высокую эффективность расходования их бюджетных средств.

Смоделированная динамика коэффициентов тесноты по выделенным группам регионов «рельефно» отразила произошедшие макроэкономические потрясения и принятые политические решения за анализируемые годы. В

Рис. 1. Результаты оценивания взаимосвязи между финансированием системы здравоохранения, образования и ЖКХ и результирующими показателями

⁴ Скоординированное развитие территорий – с увеличением финансирования улучшаются социально-экономические показатели развития территории.

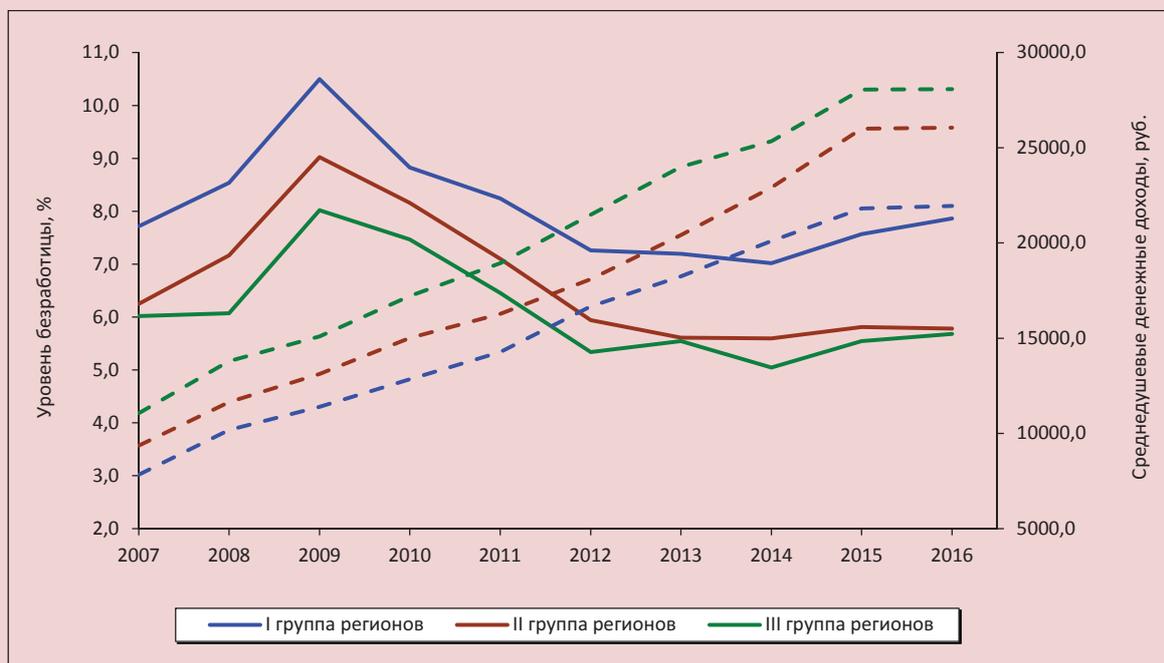
зависимости от случившихся событий и сложившихся тенденций в России можно условно выделить пять периодов.

Первый период, описывающий полученные результаты оценки за 2007 г., характеризуется инерционно положительной динамикой социально-экономического развития регионов, заданной еще с начала 2000-х годов. К этому времени продолжился процесс снижения безработицы. Постепенно росло благосостояние населения, к 2007 г. реальная заработная плата достигла своего максимального уровня (117,2% к предыдущему году) [25]. Динамика изменения уровня безработицы и размера денежных доходов населения по трем группам регионов представлена на *рисунке 2*.

Благоприятная экономическая конъюнктура и высокие темпы роста доходов бюджета создали возможность направить дополнительные «инвестиции в человека», с 2006 г. стали реали-

зовываться приоритетные национальные проекты. Как отмечает В. Мау [26], одним из результатов позитивных тенденций того периода является повышение интереса к долгосрочным проблемам развития страны, основой для чего стали стабилизация и экономический рост. В частности, в октябре 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., направленная на решение социально-демографических проблем и развитие человеческого капитала. Реализация масштабных государственных программ с привлечением значительных средств федерального бюджета, безусловно, положительно сказалась на развитии материально-технической инфраструктуры отраслей социальной сферы [27] и на качестве жизни населения регионов⁵. Хотя, как подчеркивается в ряде исследований [28, 29], и отмечалась резкая региональная дифференциация по достигнутым результатам. В целом эффек-

Рис. 2. Уровень безработицы (сплошная линия, левая ось) и среднедушевые денежные доходы (пунктирная линия, правая ось) по группам регионов с различным уровнем социально-экономического развития

⁵ Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет: доклад / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. URL: <http://sibfrontier.ru/wp-content/uploads/2016/03/Sotsialnaya-politika-v-Rossii-dolgosrochnyi..entsii-i-izmeneniya-poslednih-let.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

тивность расходования на социальную сферу в 2007 г. была невысокая у всех групп регионов. Коэффициент тесноты связи находился примерно на одном уровне: от 0,447 (III группа) до 0,457 (II группа), однако дальнейшие тренды расходятся, что связано в первую очередь с внешним фактором развития.

Этим внешним фактором стал мировой финансовый кризис 2008 г., воздействие и последствия которого очертили второй период. В 2008 г. эффективность финансовых вложений в человеческий капитал в регионах с низкими и средними значениями ИЧР (I и II группы) существенно повысилась (до 0,537 и 0,561 соответственно), а в группе регионов с высокими значениями ИЧР она упала (до 0,377). Кризис затронул все сферы экономики, в т.ч. и социальный сектор. К началу 2009 г. российская экономика вступила в промышленную рецессию, сопровождавшуюся обесценением рубля, ростом безработицы и приостановкой инвестиционных программ [30]. Тем не менее воздействие кризиса на регионы России оказалось неоднородным [31, 32]. Расчеты Н. Зубаревич [33, 34] показали, что сильный спад пережили в регионах металлургической и машиностроительной специализации, а также в агломерациях страны. Меньше пострадали регионы Юга, Дальнего Востока и Забайкалья, районы нефтедобычи, а положительная динамика была в экономически слаборазвитых республиках Северного Кавказа. Такая региональная дифференциация сказалась и на полученных оценках эффективности бюджетных расходов, направленных на повышение качества жизни населения, в регионах с различным уровнем социально-экономического развития (см. рис. 1).

В период кризиса социальная защита стала наиболее крупным и динамичным направлением бюджетных расходов [35]. Для предотвращения социальной напряженности уже к марту 2009 г. была разработана Программа антикризисных мер, которая охватывала в том числе различные аспекты социальной защиты (пенсионное обеспечение, социальная защита семей с детьми, поддержка нетрудоустроенных и др.). По оценкам С. Дробышевского, С. Синельникова-Мурылева и И. Соколова [36], в 2008 г. на антикризисные меры было направлено 1,1 трлн. руб. (2,7% ВВП), а в 2009 г. —

2,4 трлн. руб. (6,2% ВВП) бюджетных и квазибюджетных средств. Но, как показали исследования Института современного развития [30], эффективность пакета антикризисных мер, который предусматривал вливание в экономику огромных средств, в ряде случаев не очевидна. Что вполне объяснимо, поскольку эти меры в первую очередь были направлены на поддержание наименее защищенных слоев населения, а не на развитие человеческого капитала. Поэтому результаты нашей оценки получились вполне ожидаемыми для трех групп с разным уровнем социально-экономического развития. В тех регионах, где были не решены проблемы с безработицей и бедностью населения, финансирование антикризисных мер (социальные доплаты, индексация пенсий, содействие в сфере занятости и пр.) обеспечило более эффективное расходование бюджетных средств. Коэффициент тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей у группы регионов с низкими значениями ИЧР в 2009 г. возрос до 0,593 (это максимальное значение за 2007–2016 гг.). Только в 2010 г. он начал снижаться под влиянием пересмотра политики наращивания государственных расходов и обязательств [36]. Снижение эффективности финансирования на социальную сферу в этой группе наблюдалось до 2012 г. Во II группе регионов понижение коэффициента произошло уже в 2009 г. — до 0,490 (которое также продолжилось до 2012 г.). В 2010–2011 гг. значения коэффициентов во II и III группах были примерно в одном диапазоне (от 0,390 до 0,409). Для регионов с высокими значениями ИЧР сформированный Правительством РФ пакет антикризисных мер только смягчил удар от экономического спада. В 2010 г. в условиях улучшения внешнеэкономической конъюнктуры и влияния масштабных антикризисных мер российская экономика вышла на положительную динамику. Этому способствовали стабильность национальной валюты, постепенное восстановление потребительского спроса и возобновившийся рост инвестиций (во многом за счет выполнения госпроектов)⁶.

⁶ Тенденции российской экономики. Итоги 2010 года. Аналитический бюллетень / Центр экономических исследований «РИА-Аналитика». М: РИА-Новости, 2011. 35 с. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/ratings/macro2011.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

В сложившейся ситуации в 2010 г. только более благополучные регионы (III группа) отреагировали небольшим ростом эффективности финансовых вложений в социальную сферу. В 2010–2011 гг. динамика эффективности финансирования социальной сферы во всех группах регионов была, что называется, «плоской», без резкого снижения.

Однако во время и после кризиса произошел существенный рост социальных расходов региональных бюджетов, который не был обеспечен ростом доходной базы, что фактически привело к потере финансовой самостоятельности регионов и их зависимости от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. По расчетам Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования⁷, коэффициент обеспеченности собственными средствами бюджетов субъектов РФ в 2011 г. составил всего 78,1%. В этот период были направлены значительные объемы безвозмездных поступлений не только в регионы-аутсайдеры, ограниченные в ресурсах для выполнения социальных обязательств перед гражданами, но и в регионы-лидеры. По итогам оценки эффективности органов исполнительной власти за 2010 г. были выделены гранты 10 субъектам РФ (размер которых варьировался от 63 млн. до 116 млн. руб.). В конце 2011 г. принят дополнительный механизм по стимулированию тех регионов, которым удалось достичь наилучших результатов в развитии экономики и привлечении инвестиций. Эти стимулирующие дотации были выделены 20 субъектам РФ, в зависимости от результатов получившим от 206,8 млн. до 2 млрд. руб. В обоих случаях дополнительное финансирование получили регионы-лидеры, обладающие высоким социально-экономическим потенциалом. Подобные механизмы не только не устраняют региональные диспропорции социально-экономического развития, но и усиливают эту тенденцию [37]. Поэтому не удивительно, что к 2012 г., по результатам нашей оценки, III группа регионов значительно повысила уровень эффективности финансирования социальной сферы (см. рис. 1). Коэффициент тесно-

⁷ Итоги 2011 года и прогноз экономического развития на среднесрочную перспективу. Обзор макроэкономических тенденций. 2012. № 72. 136 с. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/MONITORING/2012/Y2011/MOn2011.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

ты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей в этой группе регионов в 2012 г. составил 0,520.

Третий период анализа описывает 2012–2013 гг. и связан с так называемыми «майскими указами», касающимися образования, науки, здравоохранения, экономики, демографической и жилищно-коммунальной сферы. Эти указы определили общую стратегию развития человеческого капитала до 2018–2020 гг. и содержат четкие социальные ориентиры. К настоящему времени формально удалось выполнить 190 поручений (из 202-х), содержащихся в указах⁸. Но эксперты общественного движения «Общероссийский народный фронт»⁹, привлеченного Президентом РФ к мониторингу выполнения этих указов, считают, что большинство из выполненных поручений нуждается в доработке. Проведенный ими мониторинг «Зарплата и нагрузка учителя»¹⁰ показал, что реальная заработная плата учителей существенно ниже официальной. Для достижения целевых показателей, поставленных в указах, к зарплате учителей иногда приписывают компенсации за коммунальные услуги, проезд и др. С такой проблемой столкнулись не только образовательные учреждения, но и медицинские, поскольку резервы для повышения зарплаты работникам они вынуждены изыскивать самостоятельно. Как отмечают многие исследователи¹¹, исполнение указов стало серьезной нагрузкой на бюджеты регионов на фоне сокращения поступлений налога на прибыль и федеральных трансфертов. Посколь-

⁸ О состоянии исполнения поручений Правительству Российской Федерации, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596-606, и связанных с ними поручений и указаний. URL: <http://government.ru/orders/selection/406/32587/> (дата обращения: 08.06.2018).

⁹ Бречалов А. С марта 2014 г. ОНФ рекомендовал снять с контроля только 24 поручения. URL: <http://onf.ru/2016/05/16/brechalov-s-marta-2014-goda-onf-rekomendoval-snyat-s-kontrolya-tolko-24-porucheniya/> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁰ Мониторинг «Зарплата и нагрузка учителя». ОНФ. URL: <http://onf.ru/2017/03/09/monitoring-zarplata-i-nagruzka-uchitelya/> (дата обращения: 08.06.2018).

¹¹ Заключение Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара на проект федерального бюджета на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов // Вестник Европы. 2012. №34–35. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2012/34/z9.html> (дата обращения: 08.06.2018).

ку региональные бюджеты не были готовы к таким расходам, практически всем регионам пришлось перераспределять средства на решение данных задач в ущерб бюджетам развития, в частности, инвестиций в инфраструктуру и другие объекты [38]. В результате такого перераспределения эффективность финансирования социальной сферы в I группе регионов за 2012–2013 гг. снизилась. В благополучных регионах (III группа), обладающих большими средствами, ресурсами и возможностями развития, сложилась противоположная ситуация. В 2013 г. эффективность их расходов на социальную сферу резко возросла – до 0,620 (максимальное значение за 2007–2016 гг.). Коэффициент тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей во II группе за 2012–2013 гг. практически не изменился.

Серьезные изменения в макроэкономической ситуации в 2014 г. очертили следующий период исследования эффективности финансирования социальной сферы в регионах России. В 2014 г. начался спад российской экономики под влиянием внешних факторов: снижения цен на нефть на мировых рынках, введения санкций в отношении России и контрсанкций. Одной из наиболее важных проблем эффективности финансирования был продолжавшийся рост дефицита региональных бюджетов, спровоцированный резким сокращением налоговых поступлений с одновременным увеличением расходов по социальным обязательствам субъектов. По расчетам М.А. Печенской [39], к концу 2014 г. дефицит региональных бюджетных систем достиг 450 млрд. рублей, или 6,3% к собственным доходам бюджетов. Как отмечает Аналитический центр при Правительстве РФ¹², дефициты характерны в первую очередь для бюджетов развитых и среднеразвитых регионов – в 2014 году на них пришлось почти 90% от суммарного дефицита по стране при 55% от суммарных доходов региональных консолидированных бюджетов. В ряде субъектов объём государственного долга превысил 80–100% налоговых и неналоговых доходов [39].

¹² Положение регионов России в условиях кризиса. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 3. / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

В качестве базовой задачи в тот момент Министерство финансов РФ¹³ ставило «ограничить темпы роста бюджетных расходов, в том числе на социальные выплаты, заработные платы, государственный аппарат, и выйти на бездефицитный федеральный бюджет в среднесрочной перспективе». В 2015 г. Правительство РФ приняло пакет антикризисных мер, включая пересмотр бюджета с сокращением расходов в среднем на 10% [40]. Как справедливо отмечает В.Г. Басарева [41], управление, ориентированное на результат, фактически «исчезает из употребления», за 2014–2015 гг. эффективность финансирования социальной сферы в регионах России снизилась. Поскольку наибольшее падение было в промышленно развитых и средне-развитых регионах¹⁴, более сильное снижение эффективности наблюдается именно во II и III группах регионов. Но в отличие от регионов со средними значениями ИЧР, у которых коэффициент тесноты корреляционной связи упал за 2014 г. уже с 0,461 до 0,387, регионы с высокими значениями ИЧР, имея больший «запас прочности», сократили эффективность финансирования социальной сферы позднее. Коэффициент тесноты корреляционной связи у III группы регионов снизился за 2015 г. с 0,480 до 0,364. Снижение эффективности финансирования социальной сферы в I группе регионов, в меньшей степени пострадавших от ухудшения макроэкономической ситуации, было более плавным.

В 2016 г. российская экономика адаптировалась к новым макроэкономическим условиям, сформированным в 2014–2015 гг., и произошел перелом негативных тенденций. Как отмечают ведущие экономисты [42], к началу 2017 г. практически остановлен экономический спад, а отрасли материального производства и оптовая торговля вышли на положительную динамику

¹³ Доклад об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета / Министерство финансов Российской Федерации. М., 2015. 124 с. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/doklad_ob_osnovnykh_napravleniyakh_povysheniya_effektivnosti_raskhodov_federalnogo_budzheta.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁴ Положение регионов России в условиях кризиса. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. 2015. № 3 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

уже в 2016 г. За счет сдерживания роста расходов удалось контролировать размер дефицита федерального бюджета и долга региональных бюджетов. Как отмечено в Докладе Министерства труда и социальной защиты РФ¹⁵, несмотря на непростую финансово-экономическую ситуацию, проводимые мероприятия позволили сохранить положительные тенденции в социально-демографической ситуации, занятости населения, повысить оплату труда отдельных категорий работников (учреждений здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и науки). Основываясь на данных Росстата, можно отметить, что спад по отдельным аспектам качества жизни был умеренным и «не вполне кризисным» [43], а по ряду показателей социального развития удалось обеспечить положительные результаты (рис. 2). Учитывая такую динамику социально-экономических показателей регионов, которая наблюдалась на фоне снижения расходов на социальную сферу, можно говорить об эффективности этих расходов. Как показали расчеты, в 2016 г. коэффициенты тесноты корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей во всех группах возросли.

С преодолением кризисных явлений на первый план выходит задача обеспечения социально-экономического развития. В 2016 г. возобновился государственный интерес к реализации долгосрочных национальных проектов. В целях повышения эффективности государственной социально-экономической политики, реализации целей и задач стратегии развития на основе проектного подхода был сформирован Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам¹⁶. К числу приоритетных проектов относятся здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и под-

¹⁵ Доклад об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2016 году и задачах на 2017 год / Коллегия Минтруда России. 31 марта 2017. URL: http://minsoc.gov-murman.ru/files/doklad-na-kollegiyu-2017_2016.03.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁶ О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам: Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2016 г. № 306.

держка индивидуальной предпринимательской инициативы, реформа контрольной и надзорной деятельности, бесплатные и качественные дороги, моногорода, экология. При всех недостатках проектного подхода, как справедливо отмечают исследователи [44, 45], он является более оперативной и гибкой формой управления социальной сферой.

Выводы

В целом результаты исследования показали невысокую эффективность финансирования социальной сферы. Социально-экономическое развитие регионов скорее определяется не региональной политикой и уровнем ее финансирования, а уровнем и характеристиками самого региона (наличием ресурсов и благоприятной конъюнктуры). Основываясь на полученных оценках, можно сделать вывод, что эффективность финансирования социальной сферы для регионов с различным уровнем социально-экономического развития носит четко выраженный дифференцированный характер в периоды экономической нестабильности. Финансирование антикризисных мер, направленных не на социально-экономическое развитие, а на поддержание текущей ситуации и смягчение негативных последствий, эффективнее для менее развитых регионов России. Как это произошло в 2009 и 2014 годах. Противоположная картина наблюдалась в 2012 и 2016 годах в относительно благополучных регионах России. Поэтому по мере преодоления кризисных явлений в социально-экономическом развитии слаборазвитого региона (высокая безработица, сверхвысокая смертность и др.) повышается актуальность расходов на развитие человеческого капитала. Однако это не означает, что только при достижении минимальных критериев социально-экономического развития необходимо финансировать долгосрочные проекты, просто они будут менее эффективными.

В стабильные же периоды развития (2007 г., 2016 г.) эффективность финансирования социальной сферы в различных регионах находится примерно на одном уровне. Поэтому, как отмечает В.Г. Басарева [46], в условиях замедления темпов экономического роста необходимо корректировать объем обязательств, финансируемый за счет региональных бюджетов, учитывать факт разбалансированности при резком увеличении дефицита и государственного долга.

Представленные расчеты продемонстрировали, что у регионов с невысокими значениями ИЧР теснота корреляционной связи между множествами результирующих и финансовых показателей выше, чем у более развитых регионов. С увеличением значения ИЧР региона уменьшается влияние бюджетного финансирования на качество жизни его населения, что объясняется снижением эффективности финансирования социальной сферы у развитых регионов. Поэтому сложившийся механизм поощрения субъектов РФ, достигших максимального уровня социально-экономического развития, как уже отмечали многие исследователи, без учета дополнительных параметров эффективности финансирования является не совсем справедливым. Таким образом, в ус-

ловиях экономической нестабильности, помимо потребности в росте финансирования социальной сферы регионов России, существенной задачей становится повышение его эффективности, более рациональное использование имеющихся средств. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что проводимая политика повышения эффективности финансирования социальной сферы должна иметь дифференцированный подход по регионам.

Представленный подход к общей оценке эффективности финансирования социальной сферы может быть учтен при выделении грантов для содействия и поощрения достижения наилучших значений показателей в субъектах РФ.

Литература

1. Зубаревич Н. Что бюджеты регионов России надорвутся, было predetermined // Полит.ру. 2015. 7 декабря. URL: http://polit.ru/news/2015/12/07/regions_com/ (дата обращения: 08.06.2018).
2. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. № 1. С. 25-37. DOI: 10.17059/2017-1-3
3. Поварова А.И. Региональный бюджет 2017–2019: профицит или экономический рост? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 236-258. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.13
4. Рудник Б.Л., Романова В.В. Бюджетное финансирование социально-культурной сферы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 124-142.
5. Vasileva A. Forecast of labor migration, reproduction of population, and economic development of Russia. *4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts. Conference Proceedings. Book 1, vol. IV, August 22-31, 2017*. Pp. 339-346. DOI 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.045.
6. de Bruijn H. *Managing Performance in the Public Sector*. London; New York: Routledge, 2002. 129 p.
7. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2014 года / А.В. Чепус, Ю.Н. Трифонов, А.В. Иванов, А.Б. Кондратенко, С.В. Беспалов, В.Г. Марача, Н.Н. Калмыков, Т.С. Сатырь // Professional Science. 2016. № 3. С. 47-74.
8. Бахтаирова Е.А., Дербенёв Е.А. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти на примере службы ЗАГС Иркутской области // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 1.
9. Ляпина И.Р. Классификация регионов России: «результативность управления социально-экономическим развитием» как основание типологизации // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Экономика. 2012. № 4 (108). С. 54-63.
10. Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: препринт WP14/2012/05. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 68 с.
11. Петрова Е.А., Шевандрин А.В., Калинина В.В. Формирование системы оценки эффективности территориального управления // Государственное управление: электронный вестник. 2016. № 54. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk__54._fevral_2016_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/petrova_shevandrin_kalinina.pdf (дата обращения: 08.06.2018).
12. Воронов Ю.П. Рейтинги субъектов Федерации: методические проблемы оценки // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 46-66.
13. Суспицын С.А. Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 97-111.

14. Малкина М.Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глушенко) // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 163-184. DOI: 10.14530/se.2016.1.163-184.
15. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // *Экономика региона*. 2014. № 3 (39). С. 48-63.
16. Mau V. Human capital: challenges for Russia. *Social Sciences*, 2013, vol. 44, no. 1, pp. 3-19.
17. Бухонова С.М., Дорошенко Ю.А. Основные эффекты вложения капитала в социальную сферу // *Экономический анализ: теория и практика*. 2006. № 11. С. 10-16.
18. Sagar A.D, Najam A. The human development index: a critical review. *Ecological Economics*, 1998, no. 25, pp. 249-264.
19. Grimm M., Harttgen K., Klasen S., Misselhorn M. *A human development index by income groups. Discussion papers*. Ibero America Institute for Economic Research. 2006. No. 155. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/27445/1/52523781X.PDF> (Дата обращения: 08.06.2018).
20. Chakravarty S.R. A generalized human development index. *Review of Development Economics*, 2003, vol. 7, pp. 99-114.
21. Прикладная статистика: классификация и снижение размерности / С.А. Айвазян, В.М. Бухштабер, И.С. Енюков, Л.Д. Мешалкин. М.: Финансы и статистика, 1989. 607 с.
22. Pena D., Rodriguez J. Descriptive measures of multivariate scatter and linear dependence. *Journal of Multivariate Analysis*, 2003, vol. 85, no. 2, pp. 361-374.
23. Тырсин А.Н. Мера совместной корреляционной зависимости многомерных случайных величин // *Заводская лаборатория. Диагностика материалов*. 2014. Т. 80. № 1. С. 76-80.
24. Тырсин А.Н. Мера взаимозависимости между случайными векторами произвольных размерностей // *Обзорные прикладной и промышленной математики*. 2018. Т. 25. В. 1. С. 72-73. URL: <http://www.tvp.ru/conferen/vsppmXIX/repso026.pdf> (дата обращения: 29.05.2018).
25. Kuklin A.A., Chistova E.V., Pyhov P.A. Measurement of welfare of the individual and areas of residence. In: *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017*. 2017. Book 1. Vol. 4. Pp. 479-486. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.063.
26. Мау В. Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 4-25.
27. Канаева Л.П. Эффективность реализации приоритетных национальных проектов в регионе // *Регионоведение*. 2014. № 3. С. 14-20.
28. Лёжин Н.М. Основные принципы программно-целевого подхода к разработке и реализации приоритетных национальных проектов // *Финансы и кредит*. 2007. № 17 (257). С. 44-46.
29. Логинов С.В. Основные итоги приоритетных национальных проектов в Уральском федеральном округе // *Экономика региона*. 2008. № 2. С. 209-215.
30. *Экономический кризис в России: экспертный взгляд / под общ. ред. И.Ю. Юргенса*. М.: Экон-Информ, 2009. 112 с.
31. Korobitsyn B., Kuklin A. Regional resilience of Russia to economic shocks and crisis. In: *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM*. 2015. Book 2. Vol. 3. Pp. 707-714. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B23/S7.090
32. Nikulina N.L., Pecherikina M.S. The Welfare in Individual and Area of Residence: Risk Assessment. In: *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. Conference Proceedings*. 2017. Book 1. Vol. 4. Pp. 937-944. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/14/S04.121
33. Зубаревич Н. Выход из кризиса: региональная проекция // *Вопросы экономики*. 2012. № 4. С. 67-83.
34. Zubarevich N.V. Crises in post-Soviet Russia: regional projection. *Regional Research of Russia*, 2016, vol. 6, no. 2, pp. 95-104.
35. Айзинова И.М. Антикризисные меры социальной защиты населения // *Проблемы прогнозирования*. 2010. № 3 (120). С. 93-114.
36. Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Соколов И. Эволюция бюджетной политики России в 2000-е годы: в поисках финансовой устойчивости национальной бюджетной системы // *Вопросы экономики*. 2011. № 1. С. 4-25.
37. Соболева Г.В., Попова И.Н. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2014. № 1. С. 5-26.

38. Петров А.В. Разрыв бюджетной обеспеченности регионов и качество жизни граждан РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 3 (31). С. 141-154.
39. Печенская М.А., Поварова А.И. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы / под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. 110 с.
40. Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. Вып. 37 / В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 472 с.
41. Басарева В.Г. Ориентация на результат в государственном управлении // Экономика и менеджмент в условиях глобальной конкуренции: проблемы и перспективы: труды научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Бабкина. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 16-29.
42. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. Вып. 38 / В. Мау и др.; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
43. 2017: социальные итоги и уроки для экономической политики / под ред. Т.М. Малевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 122 с.
44. Переверзева В.В., Юрьева Т.В. Проекты развития в системе стратегического управления // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4. С. 42-52.
45. Вилисов М.В. Государственная политика: проектный подход // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 110-126.
46. Басарева В.Г. Регионы России: адаптация к мерам государственного регулирования // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 29-48. DOI: 10.15372/REG20150602.

Сведения об авторах

Валерий Петрович Чичканов – д.э.н., чл.-корр., ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: vpchichkanov@ya.ru)

Елена Витальевна Чистова – к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Александр Николаевич Тырсин – д.т.н., профессор, зав. кафедрой, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 5; e-mail: at2001@yandex.ru)

Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N.

General Assessment of the Effectiveness of Social Sphere Financing in Russia's Regions

Abstract. The paper presents an approach to assessing the effectiveness of social sphere financing (healthcare, education, housing and utilities sector) in regions of Russia. In the framework of the study, we test the following hypothesis: when the socio-economic situation in a region gets better, the effectiveness of social sphere financing in it reduces. The methodology for studying the effectiveness of social sphere financing in regions with different levels of socio-economic development is based on assessing the dependence of the dynamics of the indicators achieved by them and the amount of budget expenditures. To carry out the assessment, we select nine resulting indicators of the functioning of social sectors, taking into account the list of indicators for assessing the effectiveness of performance of executive authorities of constituent entities of the Russian Federation (the list was approved in November 2017 by the decree of the

President of the Russian Federation) and on the basis of the presence of a statistical relation between them and the Human Development Index as a final indicator. In addition, in order to take into account regional development specifics in the assessment of budget spending effectiveness, we arrange constituent entities of the Russian Federation into groups. The values of the indicators for the model are either calculated or taken directly from statistical reports of the Federal State Statistics Service, the Federal Treasury and the reports of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation. We use multivariate correlation analysis to simulate the relationship between the financing of the social sphere and the resulting indicators. The evaluation carried out over a ten-year period shows low efficiency of financing of the social sphere in Russia. In regions with different levels of socio-economic development, it is clearly differentiated in the periods of economic instability. Only with the resolution of crisis phenomena in the socio-economic development of an underdeveloped region (high unemployment, ultra-high mortality, etc.) the urgency of spending on the development of human capital increases. With the achievement of best indicators of social and economic development in the region, the impact of budget financing on the quality of life of its population is reduced, which is explained by the decrease in the effectiveness of social financing in developed regions.

Key words: efficiency of financing, quality of life, region of Russia, social sphere, multidimensional correlation analysis.

Information about the Authors

Valerii P Chichkanov – Doctor of Sciences (Economics), corresponding member, leading researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vpchichkanov@ya.ru)

Elena V. Chistova – Candidate of Sciences (Economics), chief researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 523, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Aleksandr N. Tyrsin – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, head of department, senior researcher, Ural Federal University, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (5, Sophya Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: at2001@yandex.ru)

Статья поступила 13.06.2018.